

«ПРАВО НА СВОЙ ГОРОД»: ПРОЕКТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, профессор.
Московский городской педагогический университет.
Российская Федерация, 129226, г. Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1;
e-mail: teosmaco@ramler.ru

Козлова Юлия Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент.
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова.
Российская Федерация, 603155, г. Нижний Новгород,
ул. Минина, д. 31А;
e-mail: iris08@yandex.ru

В рамках нового междисциплинарного подхода – эпистемологической урбанистики – авторы развивают идею *права человека на свой город* и показывают эпистемологическую природу этого права, которая объясняется тем, что оно обусловлено процессами познания и научной коммуникации. Обоснованы три основных положения. Во-первых, город – это интеллектуальная система. «Право на свой город» – специфическое право на научно-интеллектуальное производство и потребление. Такое право реализуемо далеко не в каждом населенном пункте, обозначаемом как город, а лишь там, где есть условия для интеллектуальной динамики, – там, где развивается искусство, образование и наука. Во-вторых, интеллектуальная система города обладает автономией. У каждого города – свой интеллектуальный ресурс. Реализуя право на свой город, горожане вовлекаются в активность городской научно-интеллектуальной автономии. Иными словами, город, где есть возможности реализации «права на город», генерирует в себе автономную научную школу или совокупность научных школ. В-третьих, города (речь идет лишь о тех городах, где право на свой город реализуемо) как научные центры формируют научную сеть. Не научный консорциум с едиными идеями и целями, а именно сеть, основанную на принципах пролиферации. Авторы настаивают на децентрализации науки не с целью ее анклавизации, но с целью развития потенциала, многовекторности и интеллектуальной самореализации самих городских сообществ. Показано, что развитие науки как целостности (на глобальном или государственном уровнях) может быть обеспечено гетерогенностью самой науки (в данном случае – за счет развития городских университетов): из интеграции и дифференциации рождается интеграционный научно-коммуникативный процесс.

Ключевые слова: научная (интеллектуальная) сеть, право на свой город, интеллектуальная идентичность, городской университет, социальная мобильность, гетерогенность науки, пролиферация, фаллибилизм, контриндуктивный метод

“THE RIGHT TO YOUR CITY”: A PROJECT OF THE EPISTEMOLOGICAL URBAN STUDIES

Irina A. Savchenko –
DSc in Sociology, Professor.
Moscow City University,
4, 2nd Selskokhozyaistvennyi
lane, build. 1, 129226 Moscow,
Russian Federation;
e-mail: teosmaco@ramler.ru

Yulia V. Kozlova –
PhD in Psychology,
Associate Professor.
Nizhny Novgorod State
Linguistic University named
after N.A. Dobrolyubov.
31a Minina Str., 603155
Nizhny Novgorod, Russia;
e-mail: iris08@yandex.ru

Within the framework of a new interdisciplinary scientific field – epistemological urbanism – the authors develop the idea of the human right to their city and show the epistemological nature of this right, which is explained by the fact that it is conditioned by the processes of cognition and scientific communication. Three main provisions are substantiated. Firstly, the city is an intelligent system. “The right to your city” is a specific right to scientific and intellectual production and consumption. Such a right is not realized in every locality designated as a city, but only where there are conditions for intellectual dynamics – where art, education and science are developing. Secondly, the intellectual system of the city has autonomy. Each city has its own intellectual resource. Realizing the right to their city, citizens are involved in the activity of the city’s scientific and intellectual autonomy. In other words, a city where there are opportunities to realize the “right to the city” generates an autonomous scientific school or a set of scientific schools. Thirdly, cities (we are talking only about those cities where the right to their own city is realizable) how research centers form a scientific network. Not a scientific consortium with common ideas and goals, but a network based on the principles of proliferation. The authors insist on the decentralization of science not for the purpose of its enclavization, but for the purpose of developing the potential, multi-vector and intellectual self-realization of urban communities themselves. It is shown that the development of science as a whole (at the global or state levels) can be ensured by the heterogeneity of science itself (in this case, due to the development of urban universities): integration and differentiation give rise to an integration scientific and communicative process.

Keywords: scientific (intellectual) network, your right to the city, intellectual identity, city university, social mobility, heterogeneity of science, proliferation, fallibilism, counterproductive method

Основной тезис

Интеллектуальная жизнь и наука сосредоточены в городах, более того, они являются условием и следствием развития города, так же как город одновременно являет собой источник и производную значительных коллективных интеллектуальных усилий. Пространственное и символическое «лицо города» формирует почву для роста интеллектуальных сетей и научных коммуникаций [Wu et al., 2020], что, например, не свойственно и никогда не было свойственно внегородским социальным пространствам.

Познание – динамическое свойство города, превращающие его в систему. Несмотря на то, что исследования и интеллектуальные системы сами по себе – одновременно производная и оболочка городской цивилизации, взаимообусловленность города и научной теории требует уточнения и концептуализации, возможных в рамках *эпистемологической урбанистики* – нового междисциплинарного подхода, развиваемого авторами данной работы. Центральным понятием эпистемологической урбанистики является «право на свой город».

«Право на город» – понятие, которое ввел А. Лефевр [Lefebvre, 1968] и развил Д. Харви [Харви, 2019] (оба исследователя наделяли термин в первую очередь политическим и гражданским смыслами), – в трактовке авторов настоящей статьи становится «правом на свой город» и подразумевает право как на потребление, так и на созидание интеллектуального продукта.

Бери деревяшки и строй городок:
Дома и театры, музеи и док... [Стивенсон, 2018, с. 51]

Р.Л. Стивенсон со своим приемным сыном «строил» из деревяшек маленький городок, не Лондон и не Париж, не представляя тем не менее, что в городке может не быть музея или театра (док тоже необходим, но уже как коммуникационный канал). Ряд неотъемлемых элементов города можно продолжить, добавив, например, университет и/или научный институт.

Установки и стереотипы часто формируются в отрыве от наших актуальных восприятий. Так, в представлении многих из нас до сих пор навязанным извне отличительным (от села) признаком города является не университет и не театр, а заводская труба:

И там, где раньше в лес дремучий
Вела звериная тропа,
Бросая в небо дыма тучи,
Стоит высокая труба [Хармс, 2010, с. 177].

Сконструированным вне пределов городской среды персонифицированным символом «идеального» «города-сада» долгое время оставался (в противовес крестьянину) рабочий («*по небу тучи бегают, дождями сумрак сжат, под старую телегою рабочие лежат*»), а вовсе не интеллигент. Примитивные удобства («*здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка*»), насилие над природой и ухудшение экологической обстановки описывались как преимущества городской цивилизации:

Здесь взрывы закудахтают в разгон медвежьих банд,
И взроет недра шахтою стоугольный «Гигант».
Здесь встанут стройки стенами. Гудками, пар, сипи.
Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь
[Маяковский, 2018, с. 49].

Поскольку доступ к интеллектуальным ресурсам является главным основанием «права на свой город», далеко не во всех поселениях, именуемых городами, такое право реализуемо. Театр, музей и университет (научно-исследовательский институт), а вовсе не численность населения, наличие завода и гипермаркета являются элементарными критериями права людей на *свой* город.

Терминологический переход от «права на город» к «праву на свой город» объясняется тем, что в рамках эпистемологической урбанистики концептуализируются не право жить в городе, переселиться в город, приобрести там недвижимость или участвовать в городском самоуправлении. Под правом на свой город подразумевается право развиваться и проявлять активность в особой познавательной экосистеме, которая формирует городское пространство, отличное от квазигородского, характерного, например, для моногородов и в целом для городов, лишенных интеллектуального ядра.

В определенном смысле такая экосистема самодостаточна и независима, что выражается в развитии собственно городских научных школ, образовательных и культурных традиций. Если вообразить гипотетическую страну, где жители каждого города имеют возможность реализовать свое право на город, то в каждом городе такой страны может функционировать своя специфическая образовательная концепция и развиваться независимая научная школа, возможно, не одна.

Авторы готовы услышать возражения, основной смысл которых будет в том, что вряд ли имеет смысл «множить» научные школы и образовательные концепции, поощряя их развитие в каждом, даже самом небольшом городе. Может сложиться мнение, что разница в опыте «старых» и «новых» школ может «усугубить неодинаковость» качества образования в разных городах, а научное сообщество отдалить от скорейшего «поиска истины». Возможно, кто-то увидит в данном случае опасности развития «псевдонаук». Между тем принцип фаллибилизма [Поппер, 2022, с. 99] позволяет установить, что на данный момент нет бесспорных доказательств преимущества индуктивного метода над контриндуктивным [Фейерабенд, 1986, с. 119]. Проводя различие между наукой и псевдонаукой, следует тем не менее отдавать себе отчет в том, что наука часто ошибается, а псевдочеловек (например, средневековый алхимик) может случайно приблизиться к истине или совершить открытие [Поппер, 2022, с. 78].

Развитие многообразия идей, так же как и многообразия научных и образовательных попыток и экспериментов, не может нанести вред познанию. Противиться такому, в общем-то, естественному для постиндустриального общества процессу – значит претендовать на интеллектуальную монополию. Если мы будем сравнивать научный тоталитаризм и анархистскую теорию познания [Фейерабенд, 2007, с. 166], то преимущества, безусловно, будут за последней.

Здесь возможна аналогия с идеей экс-ректора НИУ ВШЭ Я.И. Кузьмина «учиться у лучших». Идея, высказанная в октябре 2018 г. и, к счастью, не получившая полного воплощения даже в «ковидные» годы, сводилась к чтению онлайн-лекций профессорами ведущего вуза (НИУ ВШЭ) для студентов всех вузов России по всем предметам в унифицированной форме [Черных, Миронова, 2018]. Подобные проекты приводят исключительно к профессиональному угасанию научно-педагогических кадров в провинции и к деградации науки в регионах, где она практически неотделима от образования.

Городская научная автономия, несмотря на свою самодостаточность, является открытой системой и способна ориентировать себя на интеллектуальный обмен с научными автономиями других городов, где это право реализовано. Этот процесс научной коммуникации формирует то, что мы, вслед за Р. Коллинзом, именуем «сетью» [Коллинз, 2002, с. 49]. Научная сеть, основанная на свободной коммуникации научных школ, развивающихся в пределах городских исследовательских автономий, является «неусложненной» моделью методологического плюрализма, основанного на пролиферации концепций и идей. По мере того как пролиферация теорий будет продолжать доказывать свою благотворность для науки (поскольку их единообразие «ослабляет ее критическую силу» [Фейерабенд, 2007, с. 166]), развитие научных сетей будет стимулировать интеллектуальный потенциал городских научных автономий, в целом способствовать реализации права на свой город.

Специфика города как элемента научной сети

В концепции Р. Коллинза интеллектуальная сеть строится на основе интеллектуальной деятельности, научного творчества, преемственности идей и мнений новыми поколениями ученых (вертикаль сети) и их соперничестве (горизонталь). В интеллектуальной сети происходит распределение эмоционально-мотивационного ресурса, передача моделей поведения, формирование идентификации с идейной группой. Развитие научных идей создает «пространство интеллектуального внимания», в котором исследователи взаимодействуют, конкурируют и совершают открытия.

Р. Коллинз подчеркивает, что сеть формируется процессами познания, а ее расширение меняет социальную среду, обогащает ее интеллектуальными ценностями, делает малый город интеллектуальным центром, а мегаполис – международным центром своей языковой зоны. Роль университетов в конкурентной сети городов (например, немецких и французских) воплощается в свободном перемещении исследователей из одного города в другой вслед за актуальными

проектами, за логикой своего исследовательского процесса [Коллинз, 2004, с. 1004].

Концепция интеллектуальной сети Р. Коллинза (60–70-е гг. прошлого столетия) никак не пересекалась с исследованиями городского пространства, которые на тот момент активно продолжались в рамках Чикагской социологической школы. Коллинз хронотропически «измерил» философии в «Социологии философий», которая могла бы успехом стать «математикой» или «статистикой философий». Составив характеристику интеллектуальных коалиций в философских течениях разных исторических периодов вплоть до начала XX в., Коллинз в какой-то момент прекратил считать философии, очевидно, не найдя ответа на вопрос об условии превращения повседневности в процесс познания. Это условие между тем состоит в единстве теоретического знания и городской цивилизации, что и обосновывается в рамках эпистемологической урбанистики.

Концепция Р. Коллинза характеризует интеллектуальную сеть как одну из всемирных тенденций. Примерно в тот же период (конец 1990-х гг.) М. Кастельс говорит об информационной эпохе и глобальном мире, в котором «биологическое время» сменяется «вневременным временем». В глобальной сети прошлое, настоящее и будущее могут взаимодействовать в одной коммуникативной системе [Кастельс, 2000, с. 414]. Новая темпоральность цифровой эпохи расширяет возможности и повышает ответственность субъектов интеллектуальной активности. Вспомним, в романе Дж. Оруэлла «1984» Министерство правды постоянно переписывало историю. Состоящая из свободных городских исследовательских автономий научная сеть препятствует идеологическим подменам. Поэтому «главный пункт» нашей модели: город – общество – мир – научная сеть – город.

Каким образом исследователи реагируют на такой запрос? В данном ключе развиваются идеи свободы науки от политики [Шиполова, 2020], и при этом в контексте развития рациональных форм «обмена» между наукой и властью концептуализируется понятие научной политики [Антоновский, 2021].

Ряд исследователей пытается очертить экономические рамки научной автономии [Chen, Zhao, 2017], поскольку до сих пор не определено, за счет каких материальных ресурсов она может быть реализована.

«Интеллектуализированные» подходы к городским исследованиям стали достаточно популярны в нынешнем столетии. Так, развивается и популяризируется концепция умного города, где «умность» обосновывается преимущественно в технологических аспектах [Mondschein et al., 2021] или консюмеристском ключе [Netto, 2017], а город описывается как центр «умного» потребления и «устойчивого развития» [Nesmachnow, Hernández-Callejo, 2020].

В отечественной социальной и градостроительной практике реализуется концепция «наукограда». Между тем наукоград как точечный,

инициируемый государством проект, вне сомнения, развивается по образу моногорода, который изначально замкнут в пределах одного производственно-исследовательского центра и поэтому имеет ограниченный потенциал для научного и интеллектуального развития. Популяризатором идеи наукограда, мягко говоря, далеко не всегда удается обосновать «наукоградность» того или иного муниципального образования (см., например: «Гжель – наукоград керамики России» [Логинов, 2007]).

Новой является концепция города как центра научной коммуникации. Для каждого города такая коммуникация может и должна иметь специфический неповторимый характер, который формируется в зависимости от особенностей городской экологии и городского ландшафта, качественных и количественных признаков городского населения.

Автономия города как центра науки многократно повышает шансы интеллектуального роста как самих городов, так и государств, в которых эти города находятся, что в итоге способствует развитию мировой науки. Разнообразие методологий и подходов, отказ от научного универсализма и в конечном счете от догм способны обозначить маршрут, в котором в постинформационный век могут двигаться не только ученые, но и все те, кто вовлечен в жизнь и развитие гражданского общества.

Город как интеллектуальный транзит

В процессе научного поиска этические аспекты возникают на пересечении социального и собственно интеллектуального в те моменты, когда научное познание приводит к обострению противоречий в обществе или же в ситуациях, когда имеющиеся формальные и неформальные нормативные регуляторы познания оказываются неэффективными.

Концепция «веселой науки» Ницше, его громкое утверждение о том, что “Gott ist tot”, и знание конструируется не в истине, а в диалоге, в очередной раз воссоздается каждым исследователем, обратившимся к идее ревизии науки эпохи Просвещения [Ницше, 1999, с. 174].

Прошлый век с его массовым научным производством и доступом к образованию обнаружил необходимость новой ревизии, теперь уже относительно статуса ученого, ценности познания и роли этики для создаваемых идей и концепций. Следуя метафоре «уничтожения богов», попавших на территорию науки из «уличного пространства», требующих поклонения и неспособных к речи [Борхес, 2016, с. 249], приходится признать, что критерии истинности научного переместились

в плоскость личного и профессионального поиска и направлены на умножение «общественного блага» [Касавин, 2021, с. 221].

Промышленный и технологический рост позволили воплотить идеи, которые принесли человечеству и самому его существованию, помимо прочего, значительные угрозы. Обозначила себя категория глобальных проблем, решить которые не удастся вне междисциплинарного подхода и сетевой научной интеграции. Решение большинства глобальных проблем современности невозможно, с одной стороны, без множественности научных парадигм и подходов и, с другой стороны, опираясь лишь на линейное накопление знаний и изолированное развитие научных школ и традиций.

Идея М. Фуко об «археологичности знания» стала для науки своего рода «дзэнской задачей», выводящей поиски ответов за пределы системы личных и групповых смыслов [Фуко, 1977, с. 54]. «Слова и вещи» в новой современности следует применять, насколько это возможно, независимо от формы мышления конкретного исследователя, научной традиции или культурной эпохи. Это становится возможным благодаря выделению эпистем для описания глубинных событий и связей. Таким образом, этическая нагрузка на исследователя снижается, а процесс познания окончательно освобождается от линейности и поиска абсолютных, сакральных в своей инвариантности постулатов.

Современное научное познание, помимо эмпирического и теоретического освоения действительности, приобретает еще уровень автоконтроля, включающего осмысление самого процесса исследования. Возникает запрос на конструирование вспомогательных технических дискурсивных структур, в которые и включены как моральные, так и конъюнктурные компоненты. В таких «обеспечивающих» структурах происходит формирование собственно когнитивного содержания, и одновременно сами эти структуры поддерживают сетевые связи между носителями интеллектуальных традиций, способных к производству новых знаний. Научное творчество, по мысли Р. Коллинза, возможно лишь в сообществе, где исследователь имеет запрос на свою деятельность, получает поддержку аудитории, состоящей из коллег и заинтересованной общественности, что побуждает к дальнейшей работе по созданию научной картины мира, которую будут трансформировать следующие поколения ученых. Именно городские сообщества исторически формировали и продолжают формировать ту аудиторию, в которой развивается спрос на научную деятельность.

Научное познание как концептуализация реальности, выявление скрытых и отсроченных взаимосвязей стали возможными благодаря дифференциации жизнеобеспечивающей хозяйственной деятельности, созданию резервов в том числе свободного времени. Атрибутивно определенный как "*homo urbanus*" полисный, городской человек дистанцирован от природных и геополитических угроз и, главное,

от рекурсивной неопределенности бытия тем концептом реальности, который создает и транслирует город. Менее масштабные функции, связанные с заменой естественного отбора социальным, реализованы в городских пространствах: в искусстве и спорте, в иронии и представлении о смешном, в участии в выборах и индустрии развлечений [Лоренц, 1998, с. 235].

Наука и искусство как специфически полисные виды активности суть городские явления, известные со времен античности. Неслучайно мы говорим о «праве на свой город» как одном из базовых прав наряду с правом на защиту жизни и свободу волеизъявления [Mauger, 2009, p. 369]. Д. Харви, рассуждая о «праве на город», вслед за А. Лефевром акцентирует политический аспект этого права, значение городского пространства для социального производства и контроля. В его понимании символическое балансирование, джентрификация и последующее «умиротворение от капучино» [Zukin, 2020, p. 73], которые дает урбанистическая идентификация, уже являются самостоятельной, пусть и аксиологически «недостижимой» ценностью [Харви, 2019, с. 17].

При этом ангажированные исследования, нацеленные на поддержание баланса между массами и элитами, хотя и позволяют дать некоторую отсрочку в разворачивании кризисных явлений и закрепляют сетевой способ воспроизводства интеллектуальных ценностей, не решают сущностных проблем реализации права на свой город. Так, принудительное выселение жителей центральных районов Бронкса, Пекина, Шанхая, Сеула, Мумбаи, Рио-де-Жанейро и других городов в пользу модернизации городского пространства и присвоения его элитами – пример нарушения права людей на их город. В наше время стало не только столичной, но и повсеместной тенденцией, наряду с зональным планированием городов, создание секторов двадцати-и даже пятиминутной доступности значимых объектов инфраструктуры, замыкающих определенные слои жителей в подобие «новых резерваций». Нарушение права на свой город является предпосылкой формирования квазикастовой системы, которая исключает интеллектуальную мобильность. Определенные социальные слои выводятся из систем интеллектуального обмена и утрачивают возможность участия в коммуникациях в области познания и оценки общественных феноменов. Такие явления создают предпосылки для развития ситуации, в которой права на свой город лишаются даже жители мегаполиса.

Декларация и закрепление в науке права человека на свой город является ценным рубежным этапом. Реализация права на свой город в наши дни и в будущем возможны преимущественно в контексте сетевых технологий и развития интеллектуальных сетей. Право на свой город – это право на познание и автономию. Оно дает шанс на коммуникацию, в которой человек и сообщество реализуют себя не как объекты мифологии, преданий и предрассудков, а как самостоятельные субъекты познания.

Утопия, антиутопия и интеллектуальная идентичность

Вероятность построения общества, основанного на знаниях, может оцениваться как социальный идеал и противоположность антиутопии. Перспектива развития городских интеллектуальных пространств зависит от того, станет ли интеллектуальное производство чьей-либо собственностью или будет развиваться как относительно автономный, но социально востребованный процесс, основанный на согласовании частных (способности, конфигурация смыслов, индивидуальная история исследователя, принадлежность его к конкретной школе или традиции) и общих (исторический контекст, доступ к ресурсам, востребованность создаваемых интеллектуальных продуктов) предпосылках научного творчества.

Социальная мобильность, будучи интегративным показателем уровня развития общества, наряду с наличием свободного времени и доступом к достоверной информации, реализацией общечеловеческих прав и свобод непосредственно связана с активным производительным или пользовательским участием в научной активности.

В российской традиции научный центр, как правило, ассоциируется с мегаполисом. Это – всегда университетский город, часто – город-миллионник, окруженный малыми городами, для которых единственный шанс сохраниться – модернизировать градообразующее производство или позиционировать себя как культурно-исторический туристский центр.

Вместе с тем сообщества малых городов могут претендовать на реальное право на свой город лишь в случае, если динамика городского пространства будет сопряжена с развитием научно-исследовательских центров, имеющих свою специализацию, свой символический уровень существования, который привлечет и удержит молодежь и создаст для нее идентификационные основы. Увы, таким центрам, как Иннополис, Сколково или, например, Саров, удалось сформировать имидж, но не «живую» среду для интеллектуальной идентификации в рамках города.

Говоря об урбанизации и глобализации как устойчивых трендах современного мира, следует отметить, что поглощение городами все новых территорий, созданий агломераций, формирование городов-систем, городов-проектов – это не единственное следствие научно-технического производства. Любая природная система, в которую приходит современный человек с городским мировосприятием, становится в его сознании частью глобальной городской системы и объектом интеллектуального освоения. Мифологический эталон современного ученого сместился в определенном смысле от образа отшельника – искателя истины к образу Робинзона, осваивающего,

преобразующего доступное жизненное пространство средствами познавательной активности, структурируя внешнюю реальность при помощи знаний и способности самостоятельно и независимо их получать. «Возвращение в большой мир» также происходит при посредничестве знаний и идей, которые объединяют людей внутри как научного сообщества – утопической Касталии [Гессе, 1999], «идеальной республики духа», так и в городских джунглях и «городе большого мира».

Если понятие городской идентичности стало фактически нормативным для современной науки [Gambassi, 2016, p. 37], то вполне закономерно полагать, что производным от этого понятия станет городская «интеллектуальная идентичность».

Вынужденный или добровольный отказ от реализации права на свой город можно характеризовать как интеллектуальную маргинальность. В свою очередь, определенный уровень маргинальности культурной, который объективно свойственен городским сообществам, может быть компенсирован «интеллектуальной идентичностью», в наивысшей мере сформированной у ученых. Ученый – это тот, кто в максимально возможной степени реализовал свое право на свой город. Чиновник, в силу отсутствия внутренней автономии, априори реализует это право не полностью, и уже поэтому в коммуникации между административным и исследовательским корпусом именно ученый должен быть ведущим, а не наоборот.

Город формирует почву для развития науки, которая, в свою очередь, является источником инноваций, востребованных городскими сообществами, индивидуализированными и оторванными от традиции.

В качестве среды когнитивной активности города могут «служить» одному богу – как это было в Средневековье, или же разным богам – как в античных городах, каждый из которых являл собой автономный интеллектуальный мир.

«Индивидуальность города» немислима без автономии городской науки. Посягательство административных органов на автономию науки можно оценивать как «эффект Лысенко» [Roll-Hansen, 2005]. Утилитарный подход чиновников к науке превращает в утиль саму науку: бессмысленный запрос порождает безумный ответ.

В данном контексте реализация права людей на свой город требует признания аутопойетичности городской научной коммуникативной системы [Луман, 1995, с. 115] и «нового позиционирования» интеллектуального труда по отношению к власти и гражданам, где на смену популизму и централизованному «управлению наукой» приходит сотрудничество и уважение к труду ученого.

Городской университет

На сегодняшний момент в России автономия университета по отношению к федеральному центру исчерпывается пространственной локализацией, формальной вовлеченностью в жизнь региона на уровне региональных программ и мероприятий, что обусловлено федеральной стандартизацией университетской жизни и организационным симбиозом научно-исследовательской и образовательной структур. Университеты финансируются и управляются централизованно, местная власть, бизнес и общественная среда преимущественно заказывают им объемы и направления подготовки будущих специалистов.

Вместе с тем в мировом и отечественном опыте существуют такие формы, как попечительство и эндаумент-фонды. В США, например, действуют более тысячи таких фондов открытого финансирования, и они обеспечивают демократический принцип получения и применения научных знаний в различных сферах. В России с XVIII в. попечительство в сфере науки было ориентировано на поддержание университетских зданий, создание лабораторий, выплату исследовательских премий и стипендий, организацию зарубежных поездок и материальную поддержку ученых. Внедрение эндаумент-фондов не исключает государственного финансирования университетов, но создает возможности поиска новых ресурсов для развития и планирования деятельности университетов.

В России в качестве технологии децентрализации эндаумент получил законодательную основу еще в 2007 г. в законе «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». В 2013 г. поддержку науки и образования осуществляло около 45 фондов, в 2020 г. их число достигло 97. Сложность заключается в том, что зачастую средства этих фондов не могут быть сразу освоены, а находятся в доверительном управлении, доходы от которого и используются для нужд вузов. Таким образом, реальная финансовая поддержка вуза как центра городской интеллектуальной культуры не столь масштабна, как может показаться на первый взгляд, она достаточно отсроченная и не меняет общественной позиции университетов принципиально. Лидерами по реализации средств фондов являются Европейский университет в Санкт-Петербурге, МГИМО, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС. Эти университеты концентрируются в столицах, которые и помимо данных научно-образовательных структур интегрируют в себе значимые научно-интеллектуальные возможности.

Для реализации научного и общественного потенциала вузовской и фундаментальной науки на платформах различных городских ареалов было бы целесообразно осуществить такие шаги, как проектирование и создание именно городских университетов; их обеспечение

из средств внебюджетных фондов. Между тем «городские университеты» на сегодняшний день являются исключительно столичным феноменом. Так, в Москве с девяностых годов прошлого столетия действует Московский городской педагогический университет – научно-образовательная структура, финансируемая из бюджета города. Для того чтобы очаги городской науки функционировали по всей стране, «городские университеты» должны стать системной частью интеллектуально-коммуникативной среды больших и малых городов.

Проектирование городских университетов как центральных элементов городской инфраструктуры – социальный замысел, в котором мог бы воплотить себя идеал, декларируемый в концепции права горожанина на его город.

В нынешней ситуации региональная власть изолирована от местной профессиональной элиты, в том числе и научной. Даже в традиционных для городской проблематики вопросах, таких как благоустройство и стратегическое развитие городских пространств, оптимизация транспортной и энергетической инфраструктуры, местная власть неохотно идет на контакт с местными профессиональными интеллектуальными сообществами. Накопленный ими опыт оценки проводимых преобразований часто не принимается во внимание. Так происходит в силу того, что муниципальная власть реализует федеральные программы, прошедшие централизованную экспертную оценку, а региональная наука осуществляет формализованные исследовательские проекты, нередко – как условие аттестации (опять же, иницируемой из центра) научно-образовательной деятельности.

От создания городских университетов не стоит ждать сиюминутных эффектов. Неслучайно научная автономия описывается как особый тип культуры (наряду с бизнесом и бюрократией), живущей в своем «временном измерении», где именно «отсутствие спешки» (из-за которого не-ученые позволяют себе иронизировать над учеными) обеспечивает результат [Pels, 2003]. В перспективе станет возможным выстроить новую схему привлечения ученых как экспертов, возродить или сформировать просветительскую и меценатскую традиции городов; развить эффективную систему «университет – бизнес – выпускники – местная профессиональная элита».

Заключение

В эпистемологической урбанистике наука как творческая деятельность и реализация общественного блага описывается одновременно как источник и как производная городского миропонимания и городского образа жизни. Поэтому в современном мире право на свой

город предоставляет горожанам доступ к интеллектуальным сетям, возможность получения качественного образования, выбора интеллектуального труда в качестве профессиональной деятельности и условия реализации мировоззренческих запросов. Немаловажным является взаимодействие науки и власти: возникающие на этом пути противоречия связаны с позицией интеллектуальной элиты по отношению к экономической и политической элитам, в чем обнаруживаются расхождения декларируемых и реализуемых приоритетов общественного развития.

Реализация концепции права людей на свой город является альтернативой кажущейся неизбежной для научной сферы формализации проектных систем. Научная автономия не имеет ничего общего ни с «новым средневековьем», ни с постапокалиптическим алармизмом. Напротив, именно автономия способствует научной коммуникации и формирует субъектные отношения в рамках научных сетей. Политика в области науки, ориентированная на построение системы городских университетов, гетерогенизацию науки и интеллектуальный обмен, в итоге будет способствовать интеграции городов в системе научной коммуникации, где обозначат себя новые яркие интеллектуальные агенты.

Список литературы

Антоновский, 2021 – Антоновский А.Ю. Александр Фон Гумбольдт и научная политика // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 24–28.

Борхес, 2016 – Борхес Х.Л. Зеркала. М.: АСТ, 2016. 464 с.

Гессе, 1999 – Гессе Г. Игра в бисер / Г. Гессе. Степной волк. Игра в бисер / Пер. С.К. Апта / М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 119–654.

Касавин, 2021 – Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.

Кастельс, 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М., 2000. 606 с.

Коллинз, 2004 – Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В.Ф. Анурина. М.: Академический проект, 2004. С. 399–603.

Коллинз, 2002 – Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 1284 с.

Логинов, 2007 – Логинов В.М. Гжель – наукоград керамики России // Аккредитация в образовании. 2007. № 14. С. 31–33.

Лоренц, 1998 – Лоренц К.З. Обратная сторона зеркала / Пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника; послесл. А.И. Федорова. М.: Республика, 1998. 492 с.

- Луман, 1995 – Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.
- Маяковский, 2018 – *Маяковский В.В.* Стихотворения и поэмы М.: АСТ, 2018. 192 с.
- Ницше, 1999 – *Ницше Ф.* Веселая наука. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 574 с.
- Поппер, 2022 – *Поппер К.Р.* Объективное знание: Эволюционный подход / Пер. с англ. 4-е изд. URSS. 2022. 384 с.
- Стивенсон, 2018 – *Стивенсон Р.Л.* Детский цветник стихов. М.: Октопус, 2018, 192 с.
- Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 413 с.
- Фуко, 1977 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
- Харви, 2019 – *Харви Д.* Право на город / Пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.
- Хармс, 2010 – *Хармс Д.И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Азбука, 2010. 1568 с.
- Шиповалова, 2020 – *Шиповалова Л.В.* О возможности свободы науки от политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 128–140.
- Черных, Миронова, 2018 – *Черных А., Миронова К.* Лекции переносят в онлайн-аудиторию // Газета «Коммерсантъ» № 179 от 02.10.2018. С. 5.

References

- Antonovsky, A.Yu. “Aleksandr Fon Gumbol’dt i nauchnaja politika” [Alexander Von Humboldt and Scientific Policy], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 2, pp. 24–28. (In Russian)
- Borges, J.L. *Zerkala* [Mirrors]. M.: AST, 2016. 464 pp. (Trans. into Russian)
- Chen, Zhao, 2017 – Chen, Z., Zhao, N. “Research on the Effect of Fiscal Decentralization on Science and Technology Input in China”, *Agro Food Industry Hi-Tech*, 2017, vol. 28, no. 3, pp. 3014–3019.
- Chernykh, A., Mironova, K. “Lekcii perenosjat v onlajn-auditoriju” [Lectures are Transferred to an Online Audience], *Gazeta ‘Kommersant’*, no. 179 02.10.2018, p. 5. (In Russian)
- Feyerabend, P.K. *Izbrannye trudy po meto dologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science], trans. by A.L. Nikiforov; ed. by I.S. Narskii. Moscow: Progress, 1986, 542 pp. (Trans. into Russian)
- Feyerabend, P.K. *Protiv metoda. Oчерk anarhistskoj teorii poznaniija* [Against the Method. Essay on the Anarchist Theory of Knowledge], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST: Hranitel’, 2007, 413 pp. (Trans. into Russian)

Foucault, M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Moscow: Progress, 1977, 488 pp. (Trans. into Russian)

Gambassi, 2016 – Gambassi, R. “Identity of Modern Architecture in Historical City Environments”, *Architecture and Engineering*, 2016, vol. 1, no. 2, p. 27-42.

Harms, D.I. *Sobranie sochinenij v 3-h tomah* [Collected Works in 3 vols], vol. 2. Moscow: Azbuka, 2010, 1568 pp. (In Russian)

Harvey, 2019 – Harvey, D. *Pravo na gorod* [The Right to the City], trans. by M.A. Kotliarova. Ekaterinburg, 2019, 36 pp. (Trans. into Russian)

Kasavin, I.T. “Nauka kak obshhestvennoe blago” [Science as a Public Good], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2021, no. 60, pp. 217-227. (In Russian)

Kastels, M. *Informacionnaja jepoha: Ekonomika, obshhestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], trans., ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: VshE, 2000, 606 pp. (Trans. into Russian)

Collins, R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija* [Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sib. Hronograf, 2002, 1284 c. (Trans. into Russian)

Collins, R. “Sociologicheskaja intuicija: Vvedenie v neochevidnuju sociologiju” [Sociological Intuition: An Introduction to Non-Obvious Sociology], in: Berger, P.L., Berger, B., Collins, R. *Lichnostno-orientirovannaja sociologija* [Person-Oriented Sociology], trans. by V.F. Anurina. Moscow: Akademicheskij proekt, 2004, pp. 399-603. (Trans. into Russian)

Hesse, 1999 – Hesse, H. “The Glass Bead Game”, in: *Stepnoj volk. Igra v biser* [Der Steppenwolf. Das Glasperlenspiel], trans. by S.K. Apt. Moscow: Gud'jal-Press, 1999, pp. 119-654. (Trans. into Russian)

Lefebvre, 1968 – Lefebvre, H. *Le Droit à la ville*. Paris: Ed. Anthropos, 1968, 164 pp. (In French)

Lefebvre, 1974 – Lefebvre, H. *Production de l'espace*. Paris: Ed. Antropos, 1974, 356 pp. (In French)

Loginov, V.M. “Gzhel' – naukograd keramiki Rossii” [Gzhel – Science City of Ceramics of Russia], *Akkreditacija v obrazovanii*, 2007, no. 14, p. 31-33. (In Russian)

Lorenz, K. *Oborotnaja storona zerkala* [The Reverse Side of the Mirror], trans. by A.I. Fedorova, G.F. Shveinik. Moscow: Respublika, 1998, 492 pp. (Trans. into Russian)

Luhmann, N. “Chto takoe kommunikacija?” [What Is Communication?], *Sociologicheskij zhurnal – Sociological Journal*, 1995, no. 3, pp. 114-124. (Trans. into Russian)

Mayakovskij, V.V. *Stihotvorenija i pojemy* [Poems]. Moscow: AST, 2018, 192 pp. (In Russian)

Mayer, 2009 – Mayer, M. “The ‘Right to the City’ in the Context of Shifting Mottos of Urban Social Movements”, *City*, 2009, no. 13 (2-3), pp. 362-374.

Mondschein et al., 2021 – Mondschein, J., Clark-Ginsberg, A., Kuehn, A. “Smart Cities as Large Technological Systems: Overcoming Organizational Challenges in Smart Cities Through Collective Action”, *Sustainable Cities and Society*, 2021, vol. 67, pp. 102-130.

Nesmachnow, Hernández-Callejo, 2020 – Nesmachnow, S., Hernández-Callejo, L. “Cities: Ibero-American Research Network for Sustainable, Efficient, and Integrated Smart Cities”, *Smart Cities*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 758-766.

Netto, 2017 – Netto, V.M. “‘The Social Fabric of Cities’: A Tripartite Approach to Cities as Systems of Interaction”, *Area Development and Policy*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 130–153.

Nietzsche, F. *Veselaja nauka* [Die fröhliche Wissenschaft]. Moscow: EKSMO-Press, 1999, 574 pp. (Trans. into Russian)

Pels, 2003 – Pels, D. “Unhastening Science. Temporal Demarcations in the ‘Social Triangle’”, *European Journal of Social Theory*, 2003, vol. 6, no. 2, pp. 209–231.

Popper, K.R. *Ob’ektivnoe znanie: Jevoljucionnyj podhod* [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach], ed. 4. Moscow: URSS, 2022, 384 pp. (Trans. into Russian)

Roll-Hansen, 2005 – Roll-Hansen, N. “The Lysenko Effect: Undermining the Autonomy of Science”, *Endeavour*, 2005, vol. 29, no. 4, p. 143–147.

Shipovalova, L.V. “O vozmozhnosti svobody nauki ot politiki” [About the Possibility of Freedom of Science from Politics], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2020, no. 57, pp. 128–140. (In Russian)

Stevenson, R.L. *Detskij cvetnik stihov* [Children’s Flower Garden of Poems]. Moscow: Oktopus, 2018, 192 pp. (Trans. into Russian)

Wu et al., 2020 – Wu, F., Lin, D., Li, X., Xu, L., Kumari, S., Rodrigues, J.J.P.C. “An Anonymous and Identity-Trackable Data Transmission Scheme for Smart Grid Under Smart City Notion”, *Annales des Telecommunications*, 2020, vol. 75, no. 7–8, pp. 307–317.

Zukin, 2020 – Zukin, S. *Cultures of Cities*. 2nd Ed. Wiley: John Wiley and Sons LTD, 2020, 350 pp.